

ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

ВАДИМ ПЕУНОВ
ИОСИФ ЧЕРНЯВСКИЙ

ЧП НА ТРЕТЬЕЙ ЗАСТАВЕ

Москва
издательство
РОДИНА
2026

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7
ПЗ1

Пеунов В., Чернявский И.

ПЗ1 ЧП на третьей заставе : Роман / В. К. Пеунов, И. И. Чернявский. – М.: Родина, 2026. – 304 с. – (Тайный фронт).

ISBN 978-5-00269-372-6

Вадим Константинович Пеунов – замечательный советский украинский писатель, фронтовик, защитник Сталинграда и почетный гражданин Донецка.

Иосиф Ионович Чернявский – чекист, работавший в органах с 1920-х годов. В альянсе они создавали классику советского детектива про разведчиков и шпионов.

Только-только завершилась Гражданская война. Страна отстраивается после разрухи. За порядком и законностью следят чекисты – гвардейцы правопорядка. В Турчиновке, под Бердичевом, неспокойно. Банды иностранных шпионов и наймитов действуют продуманно и беспощадно. Борьбу с ними ведут отважные контрразведчики. Большую помощь молодому (а в будущем – легендарному!) чекисту Аверьяну Сурмачу оказывают ребята-беспризорники. Книга придется по душе всем поклонникам приключенческой литературы и тем, кого интересует, как наши деды защищали великую страну – СССР.

**УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7**

© Пеунов В. К.,
правообладатели, 2026

© Чернявский И. И.,
правообладатели, 2026

ISBN 978-5-00269-372-6 © ООО «Издательство Родина», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ЭКОНОМГРУППЫ	7
ПРОРВАЛИ ГРАНИЦУ... ..	14
НА ТРЕТЬЕЙ ЗАСТАВЕ	29
АНОНИМКА НА БЫВШЕГО ФОТОГРАФА ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЫ	49
ТОТ, КОТОРОГО УБИЛИ	55
ОШИБКА ПО НЕОБХОДИМОСТИ	75
ВТОРОЙ ИЗ «СВЯТОЙ» ПЯТЕРКИ	90
В ЩЕРБИНОВКЕ	104
ЛАЗАРЬ АФАНАСЬЕВИЧ УПОРСТВУЕТ	115
СВАДЬБА ЧЕКИСТА	128
ОПЕРАЦИЯ «ВОКЗАЛ»	139
«КТО ДАЛ АРЕСТОВАННОМУ ЯД?»	149
НОЧНОЙ РАЗГОВОР	165
ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ	170
УБИЛИ ПРЕЗИДЕНТА ПАНА НАРУТОВИЧА	182
КОНТРРАЗВЕДКА ПРОТИВ КОНТРРАЗВЕДКИ	192
СЛАБОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ	198
НА РОЖДЕСТВО К ГРИГОРИЮ ЕФИМОВИЧУ	204
ДОПРОС	222
ЧЕМ ХОРОШО ПЛОХОЕ	237
ЧЕКИСТ, КОТОРЫЙ ПИСАЛ СТИХИ	246

«А ЕСЛИ ОНА — БАНДОПОСОБНИЦА?»	264
«ВЫ НЕ ДУМАЙТЕ О ЛЮДОЧКЕ ПЛОХО!»	278
ПЕТЬКА И КАЗНАЧЕЙ	285
«ПОБОЙТЕСЬ БОГА, ТИХОН САВЕЛЬЕВИЧ!»	292
ПОСЛЕСЛОВИЕ	303

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ЭКОНОМГРУППЫ

Аверьян прямо от порога шагнул к огромному, явно чужому в этой холодной комнатухе столу и протянул хозяину кабинета запечатанный конверт.

Начальник Турчиновского окротдела ГПУ Иван Спиридонович Ласточкин взломал сургуч и, мельком глянув на копию послужного списка вновь прибывшего, сунул ее в приоткрытый ящик стола. Его скуластое, узористо расписанное морщинами лицо не выражало ничего, кроме усталости.

— Садись, — кивком головы он показал на лавку, сиротливо стоящую у стенки.

Аверьяну показалось, что на месте новой работы его встречают уж слишком неприветливо. Нахмурился, туго схлестнулись на переносице сбежавшиеся в складочку белесые брови. В серых с зеленцой глазах замельтешили светлячки. Только кто их днем-то при свете заметит?

В ответ на проявленное равнодушие начальника окротдела Аверьян Сурмач хотел рубануть что-нибудь резкое, но его удержала гримаса боли, неожиданно перекосившая лицо Ласточкина.

Отодвинувшись от стола, тот вынул ногу и начал яростно растирать колено, которое морозно поскрипывало под жилистой рукой. На костлявой ноге гармошкой гуляла штанина черных суконных клешей.

«Старая рана...» — понял Сурмач.

У него у самого на непогоду ныло простреленное плечо.

— Шестой год советской власти, — заговорил Ласточкин, — а наши рабоче-крестьянские деньги всего

лишь — «совзнаки». Ну, не обидно ли? Коробка спичек — тысяча двести рублей! — В хриповатом голосе простуженного насквозь человека звучала досада.

«К чему эти базарные разговоры?» — подивился Аверьян. Ему было неприятно, что начальник окротдела не прочитал толком его документы. А в них сказано: «Аверьян Сурмач проявил себя в боях с белополяками и в операциях по разгрому банды атамана Усенко, за что награжден орденом Красного Знамени».

За наградой Сурмач ездил в Москву. Привинчивая орден к борту кожаной куртки, Аверьян, «чтобы издали было видно», подложил под него красный кружок, вырезанный из кадетского погона. А начальник окротдела и внимания не обратил на высокую награду.

Жаловался, жаловался Ласточкин на разные трудности, а потом сказал так, будто это уже сто лет было известно новичку:

— Пойдешь, Сурмач, в экономгруппу. Там уполномоченным Тарас Степанович Ярош. Толковый мужик, но одному ему трудно: дел неупрощен. Сейчас он подался в погранотряд. Надо узнать, кто из жителей нашего округа занимается контрабандой, кого задерживали пограничники.

— Не нужен — отправьте в губотдел, — сказал недовольный Сурмач.

Казалось, Ласточкин даже не заметил возмущения нового сотрудника: он растирал яростно ногу. Охал. Кряхтел. Наконец, не вытерпел и выругался:

— Рассвирепели все болячки сразу. — Выглянул из-за огромного «буржуйского» стола, казалось, вросшего в пол кривыми, раздувшимися ножками, и попросил Аверьяна: — На окне, за шторкой, бутылка со спиртом. Дай-ка.

Озадаченный Аверьян почти машинально взял фигурную, слепленную треугольником, темную бутылку

с окна и подал ее начальнику окротдела, невольно поболтав. Содержимого — на донышке. Судя по всему, больной человек частенько прикладывался к нехитрому лекарству.

— Плесни чуток! — подставил начальник окротдела широкую ладонь с заскорузлой от тяжелой работы кожей. В измученных болью светловато-карих глазах читалось: «Извини... браток».

— А славным кочегаром на «Святом Павле» был балтийский моряк Иван Ласточкин, пока проклятый ревматизм не доконал, — с грустинкой проговорил он и вновь сел за буржуйский стол, положив на него натруженные руки с жилистыми кистями. — Сколько тебе годков-то? — спросил он мягко, будто разговаривал не с новым сотрудником окротдела, а с сыном друга, который погиб: «Жалко парнишку...»

— Двадцать три...

У Аверьяна исчезло последнее желание спорить с мудрым человеком, который знал нечто такое, о чем Сурмач просто не догадывался. Он понял, что уже никуда отсюда не уедет. А насчет отправки в губотдел, так это — сгоряча. Ведь Аверьян добивался, чтобы его назначили в Турчиновку. В тридцати верстах отсюда есть городок Белояров. А там у злой-презлой тетки живет Оленька, кареглазая дивчина из Журавинского хутора, где Аверьян с тремя молодыми чекистами: Славкой Шпаковским, Леней Фроловым и Анатолием Крупновым — весной девятнадцатого года разоружили, застав на пьяном ночном привале, недобитую сотню известного в округе своей жестокостью бывшего петлюровского хорунжего Семена Воротынца. Впрочем, не помоги им Оленька, девчонка из Журавинки, разве четверо чекистов упились бы с семеновцами!

Словом, жила в Белоярове дивчина...

— Двадцать три... — в раздумье повторил Ласточкин. — Школу какую-нибудь кончал? Ну, кроме той, где учителем сабля и наган?

— Была у нас... — ответил Сурмач и застеснялся, а застеснявшись, рассердился: — Поп с дьячком вколачивали грамоту.

Он вспомнил, как долдонили тринадцать шахтарчуков-сыновей горнорабочих: «аз», «буки», «веди»... Прописать «ижицу» — это не букву вывести тупым карандашом в тетрадке в клеточку, а высечь нерадивого привселюдно розгами, спустив холщовые штаны до колен. У батюшки с дьячком — лихим мастером по части «ивовых поучений», вымоченных специально в горячей соленой воде, — всего две книжки: «Часослов» и «Божий закон». Аверьяну больше нравилось читать по «Божьему закону»: буквы покрупнее, и картинки есть такие смешные — летит херувим в длинной до пят рубахе и белыми крыльями, словно бабочка-капустница, машет. А над кудрявой головой колечко — нимб.

Не с той ли поры всех образованных Аверьян заранее относил в разряд «контры» и только для учителей и врачей делал скидку, да и то не для всех.

Начальник окротдела вновь вздохнул. Четче обозначились на худощавом лице глубокие, редкие оспинки-ямочки.

— Не получится из тебя финансовый министр, — сделал он неожиданное заключение.

Аверьян обиделся: «Ну и загнул начальник окротдела: его, чекиста-орденоносца — в финансовые министры! А еще старый большевик, балтийский моряк!»

Финансы — это капитал. А при капитале капиталист — отъявленный буржуй, словом, недобитая контра!

— Мне это без надобности!

Иван Спиридонович несогласно покачал головой.